

Секция «Лингвистика: Текст и дискурс: проблемы анализа и интерпретации»

Оттенки «мифа о Париже» в произведениях О. де Бальзака, В. Гюго и Г. Флобера

Научный руководитель – Загрязкина Татьяна Юрьевна

Исаева Анна Юрьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия

E-mail: isaevanna@yandex.ru

Целью данной статьи является анализ лингвистических способов мифологизации Парижа в произведениях О. де Бальзака и В. Гюго с учетом концепции мифа Р. Барта. Материалом исследования послужили следующие произведения: «Злотоокая девушка» [2], «Отец Горио» [3] О. де Бальзака, «Париж» [4], «Отверженные» [4] В. Гюго, «Госпожа Бовари» Г. Флобера [5].

Р. Барт определяет миф как слово, как сообщение, которое может быть представлено не только в виде письменного дискурса, но и любого визуального объекта, например, рисунка, фотографии или рекламы. Природа мифа, согласно Р. Барту, заключается в замещении одного факта чем-то другим. Р. Барт, рассматривая систему мифа, представляет его в виде «метаязыка», надстроенного над системой естественного языка. В произведениях выбранных авторов описания Парижа приобретают вторичный смысл, который в контексте нашей темы будет обозначаться термином «миф о Париже» - представления об образе Парижа и функциональной значимости этого образа, сформированные представителями французской литературы XIX и выраженные средствами языка.

Исследованный материал показывает, что «миф о Париже» может быть рассмотрен с учетом оппозиций центр-периферия, город-провинция, «маленький» человек и город, добродетели и пороки и.т.д., которые реализуются через ряд метафор. Метафора представляет собой переносное значение слова, используемое «на основании сходства, аналогии и.т.д». Учитывая это определение, данное в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, и концепцию Р. Барта, проанализируем, как с помощью метафоры создается миф.

В качестве примера рассмотрим оппозицию добродетели - пороки. В романе «Госпожа Бовари» Г. Флобера «Paris, plus vague que l'Océan miroitait donc aux yeux d'Emma dans une atmosphère vermeille» («Париж, словно Океан, необозримый багровым заревом полыхал в глазах Эммы» [Флобер 2017: 28]). Можно выявить сему обозначения обобщенной стихии (не случайно написание с заглавной буквы, Océan), связанной даже не со стихией воды, а со стихией вообще, в том числе со стихией огня («une atmosphère vermeille»). Э. Золя также использует метафору океана, но он делает акцент на значении безграничного пространства: «l'océan de ses toitures» («океан его крыш»). У О. де Бальзака метафора океана ближе всего к прямому значению слова: водный объект, имеющий большую глубину, населенный животным и растительным миром, вызывающий потрясение своей неизведанностью: «Mais Paris est un véritable océan. Jetez-y la sonde, vous n'en connaîtrez jamais la profondeur. Parcourez-le, décrivez le, quelque soin que vous mettiez à le parcourir, à le décrire; quelque nombreux et intéressés que soient les explorateurs de cette mer, il s'y rencontrera toujours un lieu vierge, un autre inconnu, des fleurs, des perles, des monstres, quelques chose d'inouï, oublié par les plongeurs littéraires.» («Париж - настоящий океан. Бросьте в него лот, и все же глубины его вам не узнать. Обозревайте и описывайте его,

старайтесь как угодно: сколько бы ни было исследователей, как ни велика их любознательность, но в этом океане всегда найдется не тронутая ими область, неведомая пещера, жемчуга, цветы, чудовища, нечто неслыханное, упущенное водолазами от литературы» [Бальзак 2006: 5]). Метафора стихии, бушующей силы выражается и в глаголах: «la vie nombreuse qui s'agitait en ce tumulte y était cependant divisée par partie» («слитная жизнь, бурлившая в его сутолоке, все же делилась на составные части» [Там же: 29]), «il {le nom «Paris»}flamboyait à ses yeux jusque sur l'étiquette de ses pot pomade» («оно пламенело перед ее взором на всем, даже на ярлычках помадных банок» [Там же: 28])

Париж - океан, в котором есть цветы и чудовища, что-то страшное или забытое. Читателю представляется ясный образ хаоса, образ смешения добра и зла, которые слиты воедино. Таким образом Парижский миф здесь - оппозиция добродетелей и пороков, неразрывно связанных и сосуществующих рядом друг с другом.

Толкование мифа о Париже в творчестве В. Гюго позволяет выявить иные грани: революционный Париж: «Ville qu'un orage enveloppe! C'est elle, hélas!<...>, Re'veille le ge'ant Europe» («город, который окутывает шторм! Это она! Вставай огромная Европа»). При этом описания у В. Гюго менее мифологизированы, чем у Золя и Бальзака, это образы именно города, пусть и существующего пока в виртуальном пространстве объединенного европейского народа: «Avant d'avoir son peuple, l'Europe a sa ville. De ce peuple qui n'existe pas encore, la capitale existe déjà» («у Европы еще нет своего народа, но уже есть свой город. Столица народа, пока не существующего, уже существует» [Гюго 1953-1956: 94]).

Таким образом можно сделать вывод о том, что в исследованных произведениях «миф о Париже» создается при помощи метафоризации. Несмотря на разнообразие оттенков, общая направленность мифа о Париже связана с его восприятием как грандиозного, не до конца понятого явления, значение которого выходит за пределы «просто столицы».

Источники и литература

- 1) Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика /Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательство «Прогресс», 1989
- 2) Бальзак О. Злотоокая девушка. М.: Росмэн-Пресс, 2002
- 3) Бальзак О. Гобсек. Шагреневая кожа. Отец Горио. М: Эксмо, 2006
- 4) Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитздат, 1953-1956
- 5) Флобер Г. Госпожа Бовари. М., Художественная литература, 1981